

английских комедиантов. Но текст интермедии не дошел до нас потому, что он не был написан, а был импровизирован актерами. Пастор Грегори едва ли придавал значение такого рода фарсу, будучи всецело поглощенным трагедией, в которой высказывались его вера и дар проповедника. Его желанием было написать на своем родном языке пьесу, достойную царя Алексея, которому она была посвящена и которая должна была быть ему поднесена. Он с любовью и с безупречным вниманием исполнил эту задачу, хотя и не мог сомневаться в том, что его сочинение будет переведено на русский язык для русских зрителей, если и не для первого представления, то непременно для следующих.

* *
*

Надо предполагать, что «Артаксерксово действие» уже при первом представлении игралось на русском, а не на немецком; так, по крайней мере, выходит из указания Rinhuber'a («...et germanice, et slavonice... rueros edocui agentes») и из двух последних стихов Пролога, где автор заранее извиняется в Kinderspiel и просит у царя Алексея снисхождения к немецким ученикам, усыновленным Московским государством, которым предстоит играть трагедию на языке их государя.

Каков был славяно-русский перевод этой трагедии? Лионская рукопись показывает нам его первоначальную стадию до того, как он был роскошно оправлен и переписан и преподнесен царю Алексею: этот перевод довольно свободен, местами похож на переделку, часто неточен, содержит ошибки и немало германизмов. Это особенно сказывается в начале: текст перевода тяжел и неловок и даже был бы местами почти непонятен, не будь при нем немецкого оригинала; но в дальнейшем он заметно улучшается: переводчик (или переводчики) сделал несомненные успехи во время своей работы. Пробыв в России около 15 лет (если не принимать во внимание две продолжительные поездки в Германию), пастор Грегори успел научиться русскому языку и даже славяно-русскому стилю и, по всей вероятности, был в состоянии перевести сам свое произведение или по крайней мере набросать первую редакцию перевода и по мере надобности исправлять его, следуя советам более умелых сотрудников. Пролог, во всяком случае, написан его рукой. Сотрудники или советчики были из московских немцев: в особенности Юрий Михайлов или Гифнер (настоящим именем Georg Hübner) и Яган Пальцер (Johann Palzer). Первый из них в то время еще плохо владел русским языком и лишь семь лет спустя, в 1679 г., был принят переводчиком в Посольский приказ. Второй же хвалился, что написал по-немецки «Артаксерксово действие», «Юдифь» и «Товия». Несмотря на мнение В. Всеволодского-Гернгросса, мне кажется, что в этом утверждении слово «написал» надо понимать в смысле «переписал», но тем не менее необходимо навести всевозможные справки как о личности Пальцера, так и о его сомнительном участии в литературной деятельности Грегори.⁹

Мы, по правде сказать, не знаем точно до сих пор, кому следует приписывать славяно-русский текст драмы «Артаксерксово действие»: одному ли пастору Грегори, или пастору совместно с его сотрудниками,

⁹ С. К. Богоявленский осведомляет нас по документам, что Пальцер «занимался перепиской ролей» и «те комедии немецким письмом писал он один» (С. К. Богоявленский и др. Московский театр при царях Алексее и Петре — ЧОИДР, кн. 2. М., 1914, стр. 59).